

**ВНУТРЕННЯЯ МИССИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ:
ПУБЛИЧНЫЕ ДИСПУТЫ КАК ФОРМА МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ**

Н.С. Канатьева
(Россия, г. Астрахань)

Старообрядчество представляет собой важнейшую часть духовного наследия России, несмотря на века противостояния официальной церкви. Как одну из важнейших мер воздействия на массу старообрядцев государство провозглашало словесное убеждение. В Астраханской губернии посредством Кирилло-Мефодиевского братства осуществлялась внутренняя миссия, использовавшая, в том числе, публичные диспуты как форму миссионерской работы.

Ключевые слова: старообрядчество, внутренняя миссия, официальная церковь, публичные диспуты.

The Russian Orthodox Old-Rite Church represents the most considerable part of Russian's spiritual heritage in spite of long term contradiction to the official church. The State proclaimed verbal conviction as one of the most important influence at the Old-Ritual People. The inside mission was realized by Kirill-Methody brotherhood and public disputes were used by them as one form of the missionary's activity.

Key words: The Old-Ritual People, Inside mission, Russian Orthodox Church, public disputes.

Старообрядчество в историческом и религиозном плане представляет собой важнейшую часть духовного наследия России. По словам С.П. Карпова, его опыт учит нас тому, к каким губительным последствиям может приводить невозможность духовного диалога и неумение услышать и понять друг друга [2, с. 7]. Трудно найти другое явление, вызывавшее столь крайние эмоции и оценки, как правительства и церкви, так и идеологической и политической им оппозиции, нежели чем старообрядчество. В старообрядчестве – широкое религиозное социальное и культурное движение – видели и причину бед, и панацею от них; единственного хранителя православия и силу, его разрушающую; «русейших» из русских, спасителей национальных традиций и культуры, или их разрушителей; черносотенную опору империи или постоянных носителей русского народного бунта.

Эти оценки не оставались простым теоретизированием, именно исходя из них строилась государственная политика: их учитывали, запрещая староверам записываться в гильдейское купечество, получать высшее образование, поступать на государственную службу. В зависимости от эпохи (а то и одновременно) к ним апеллировали и Союз русского народа, и большевики. Это движение, накопившее громадную инерцию обороны, в «краткий миг» русской свободы (1905–1918 гг) достигло глубоких экономических, финансовых, культурных и социальных успехов, но тут же получило самый страшный в своей истории удар [6, с. 17].

Сегодня, когда мы переживаем затянувшийся переходный период, внимание различных сил снова привлекает старообрядчество, ставшее во второй половине XX в. русским явлением в жизни двадцати стран мира.

Причиной раскола русской церкви XVII в. стало исправление традиционной обрядово-богослужебной практики. И началось оно с внесения изменений в богослужебную литературу. Противники реформ отказались от принятия исправленных книг. Первая такая книга, Служебник, в полной мере отразившая новшества патриарха Никона, вышла в свет в 1655 г., однако сторонники «старой веры», в большинстве своем, считают истинными книги, напечатанные только до 1652 г. включительно, так как уже в изданиях 1653 г. начинают появляться изменения, характеризующие направление реформ (например, Псалтырь 11.02.1653 г.).

Реформы, начатые патриархом Никоном, вызвали смущение и протест значительной части верующих. Соборно отвергнутые в 1653–1660 гг. обряды вполне закономерно, в силу их давней укорененности в русском церковном обиходе, воспринимались протестующими как символы «древлего благочестия», отказ от которых казался равнозначным отказу от православия как такового. Среди этих обрядов были двуперстие,

которым творили крестное знамение (в противовес утвержденному реформой троесперстие), «сугубая», т.е. двойная аллилуйя во время службы (вместо «трегубой», т.е. тройной), обычай ходить при крещении, венчании и освящении храма «посолонь», по солнцу (а не против солнца), совершение литургии на семи просфорах (а не пяти), употребление преимущественно восьмиконечного или шестиконечного креста (а не четырехконечного, частично допущенного реформой, в том числе в евхаристической символике) и ряд других. Огромное значение для усугубления раскола имел и авторитет старых книг, утверждающих правомерность двуперстия, семипросфория и т.д., равно как и написания «Исус» (вместо «Иисус»), употребления слова «Истинный» в 8-м члене символа веры (по отношению к Духу Святому – вместо одного лишь эпитета «Животворящий») и других оборотов, которые были теперь исправлены. Вся книжная правка и соответственная обрядовая унификация производились поспешно, с крайней нетерпимостью к «еретикам», в массе своей вполне ортодоксальным ревнителям церковной старины; последние же в свою очередь объявили вероотступниками «никониан», наложивших строгий запрет («клятву») на привычные обряды.

Протест, явный или тайный (тайный, поскольку некоторые иереи священнодействовали по-старому тайно, не вступая в открытые прения с «новообрядцами», как это делал, например, протопоп Аввакум), оформлялся в особую церковь.

Процесс этого оформления был сложен и противоречив, отражая такую же сложную и противоречивую, то репрессивную (при царевне Софье, Анне Иоанновне, Александре I, к концу царствования последнего, Николае I), то сравнительно более веротерпимую (при Екатерине II) политику правительства в отношении старообрядцев.

В 1682 г. были сожжены на костре в Пустозерске протопоп Аввакум, священник Лазарь, диакон Феодор – первые руководители старообрядческого движения. Был издан указ – разыскивать «раскольников», как официально стали называть сторонников старой веры, по всем городам и весям и сжигать их в срубе, пристанища их разорять, имущество их продавать, а деньги – присылать в Москву. По настоянию патриарха Иоакима, одного из самых непримиримых гонителей старообрядчества, царевна Софья издает в 1685 г. знаменитые «статьи», имеющие силу царского указа, среди которых, в частности предписывалось: 1) если кто тайно будет содержать старую веру, того бить кнутом и ссылат в отдаленные места; 2) бить кнутом и батогами даже и тех, кто окажет малейшую милость старообрядцам, дадут им поесть или испить воды; 3) ссылат и бить кнутом и таких людей, у которых старообрядцы только приютились; 4) казнить смертью даже и тех, кои Церкви Божией покоренья приносят и отца духовного и Святых Таинств причаститься желают истинно [11, с. 23].

При Петре I положение старообрядцев еще более ухудшилось, потому что реформы Петра, затронувшие все стороны традиционной русской жизни, не могли не коснуться старообрядчества. Преследуя практические цели, Петр поначалу проявлял некоторую терпимость к старообрядцам, разрешая им справлять богослужения по старым обрядам, взамен используя староверов на работах по проложению каналов и на заводах. Но затем последовали распоряжения, направленные на уничтожение вековых обычаев: бритье бороды начисто (за небритье был установлен штраф в 60 руб., за право носить бороду нужно было платить, и уплатившему выдавалась медная бляшка, которую человек должен был носить при себе); обложение старообрядцев двойным окладом; ношение старообрядцами особого платья из зипуна со стоячим клееным козырьком; ношение особых знаков; лишение государственных прав. Все это не могло не содействовать углублению раскола и появлению крайне враждебных отношений определенных кругов старообрядчества к царю [10, с. 17].

Религиозный раскол приобретает социальный характер, имеет место несколько восстаний и бунтов, учащаются случаи массового самоожжения староверов, не желающих отдаться в руки «антихриста». Однако, по мнению А.И. Клибанова, массовому неприятию официальной церкви, имеющему своей социальной основой крестьянство, были чужды антиконфессиональные тенденции старообрядчества, которые стали возникать позже в организациях городских просвещенных людей [8, с. 266].

В 1722 г. Синод должен был признать, что старообрядчество не поддается «разнообразному церковных пастырей врачеванию», что раскол, по сравнению с временами царя Алексея Михайловича, «люто расплодился и многих повредил» [4, с. 168]. Двумя годами ранее архиепископом и членом Священного Синода Феофаном (Прокоповичем) был создан Духовный регламент – главный акт петровского законодательства по делам церкви, утвержденный Петром в 1720 г. Все течения, противостоящие официальной церкви, и в первую очередь старообрядчество, понимались в нем как результат используемого злоумышленниками недостаточного просвещения народа. «Русские раскольники не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновались?» – спрашивалось в Духовном регламенте [8, с. 251]. Такое понимание старообрядчества диктовало и соответствующие формы борьбы с ним. Как одну из важнейших мер воздействия на массу старообрядцев закон провозглашал убеждение, словесное состязание, в результате которого раскольники, удостоверившись в своей неправоте, должны были отказаться от борьбы с официальной церковью.

Диспуты со старообрядцами проводили многие епархиальные церковнослужители: в Новгородской епархии митрополит Иов, в Холмогорской – архиепископ Рафаил, в Ростово-Ярославской – митрополит Дмитрий и другие. Было издано множество противораскольничьих сочинений, из которых наиболее крупным было писание Дмитрия Ростовского (1709 г) под названием «Розыск о раскольничьей брынской вере, о учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дело их не благоугодно. Для своего литературного труда Дмитрий использовал обширный круг источников, в том числе и словесные показания о крайнем невежестве и суеверии своих противников. Свой опыт полемической борьбы с расколом литературно оформили и другие служители церкви. В дискуссии включались и гражданские лица, например, известный публицист И.Т. Посошков написал «Зеркало... на суетудрия раскольнича» [8, с. 252].

Нельзя сказать, что попытки вразумить «раскольничьих невежд» приводили к сколько-нибудь существенным результатам. Иногда сами обличители раскола терпели поражение в диспутах и впоследствии уже опасались вступать в полемику. Например, на предложение отправить в главные центры раскола «увещавателей» судья Приказа церковных дел Антоний ответил, что «таковых людей по оному делу искусных не обретается», которые «могли бы «их раскольнических падений в тонкость познать и с ними разговоров иметь вдаль не могут» [3, с. 572].

В соответствии с программой Духовного регламента делу обличения «раскольничьих ересей» был придан особенно широкий размах уже не только в епархиальном, но и в общегосударственном масштабе. В феврале 1722 г. было напечатано «Объявление от Синода», с приглашением раскольникам явиться к определенному сроку для рассуждения о вере. Синод уверял расколоучителей, что они могут иметь «во объявлении мнения своего голос свободный», что Синод «не намерен никаким образом оных (старообрядцев – НК) удерживать и озлоблять» [7, с. 30–42]. В том же смягченном тоне было написано и «Увещание», распространявшееся вместе с «Объявлением», где, в частности, указывалось, какой вред «есть человеку, не учену существу, не требуя от своих наставников, самоволием избирать мнение» [7, с. 30–42]. Эти воззвания, как и новое «Увещание к православным христианам», написанное Феофилактом Лопатинским и распространенное в январе 1725 г. по епархиям от имени Синода, не дали ощутимых результатов.

Малоуспешными были также и специальные миссии, которые отправлялись в главные центры старообрядчества для обращения раскольников. В качестве миссионеров использовались лица из обращенных старообрядцев во главе с Нижегородским епископом Питиримом, как лучше всего осведомленные в старообрядческой догматике. На эту меру возлагались большие надежды, практически неосуществившиеся. Питирим предложил 130 вопросов нижегородским керженским старообрядцам-поповцам во главе с диаконом Александром. Среди них не нашлось достаточно опытного богослова для составления ответов Питириму, и тогда они обратились за помощью к Андрею Денисову. Андрей Денисов являлся одним из наиболее выдаю-

щихся старообрядческих мыслителей, историком и публицистом. Его перу принадлежат, помимо «*Диаконовых ответов*», написанных по просьбе нижегородских старообрядцев, знаменитые «*Поморские ответы*», и по сей день являющиеся как бы итоговым сочинением, обобщающим расхождения между официальной церковью и расколом. В «*Диаконовых ответах*» Денисов произвел сравнительное изучение древнерусских и новообрядческих церковных чинов и постановлений, привел множество примеров из древней иконографии и церковной археологии и истории. «*Диаконовы ответы*» были поданы Питириму в 1719 г. Но вместо словесного опровержения Питирим угрозами и пытками вынудил диакона Александра вместе с его сторонниками публично отречься от «*Диаконовых ответов*». Позднее Александр был казнен [12, с. 54–55]. Добытое преследованиями и государственным прессингом раскаяние нижегородских старообрядцев оказалось фиктивным, сфабрикованным самими миссионерами.

Попытка обратить стародубских старообрядцев вообще оказалась бессмысленной, ввиду их твердого сопротивления. К тому же в союзе со старообрядцами оказались многие местные помещики и администрация [8, с. 252–253].

Еще более неудачной оказалась миссия в Северном Поморье. Синодальный миссионер иеромонах Неофит поставил перед старообрядцами Выгорецкой пустыни 106 вопросов, основное внимание уделяя вопросам конкретного характера и в ряде случаев откровенно пытаясь спровоцировать старообрядцев на высказывания, которые могли быть истолкованы как хула на царя и власти – например, вопрос, православен ли царь, если он придерживается нового обряда. Вручив скитникам Выгорецкой пустыни вопросы, Неофит потребовал дать на них письменные ответы, что и послужило непосредственной причиной написания «*Поморских ответов*». «*Ответы*» были поданы Неофиту за подписями выборных представителей, среди которых, опасаясь правительственных репрессий, старообрядцы не упоминали подлинных авторов – Андрея Денисова, его брата Симеона, Трифона Петрова. Неофит не смог противопоставить достойных возражений, и его миссия потерпела неудачу.

Астраханская губерния, в силу своего пограничного расположения, с конца XVII в. служила «*пристанищем для раскольников*». По словам протоиерея И. Саввинского, «*само правительство, сослав в Астрахань костромского протопопа Даниила, сотоварища протопопа Аввакума, как бы предуказывало раскольникам безопасное для проживания место*» [9, с. 131–132]. Сторонники древлеправославия проникали сюда и из Нижегородской области, где раскол появился еще прежде осуждения на Московском соборе 1667 г., и с которой Астраханский край находился в постоянных торговых сношениях; в Астрахань в 1683 г. были сосланы участники московского стрелецкого бунта, целью которого было восстановление старой веры. К началу XIX в. старообрядчество в своих основных видах, поповщине и беспоповщине, было широко распространено в Астраханской епархии. По «*исповедным ведомостям*» благочинных за 1822 г., старообрядцы проживали в тринадцати крупных селах Астраханской губернии и практически во всех казачьих станицах Астраханского казачьего войска, а также в городах Царев и Красный Яр, Царевского и Красноярского уездов соответственно. Общее количество старообрядцев в 1880-х гг., по официальным данным, составляло «*до 5300 душ... в городах Астрахани и Красном Яру, а также в их уездах (до 3800 душ), ... в Черноярском и Енотаевском уездах раскольников проживает до 1000 душ*», то есть в общей сложности более 10 тысяч человек [1, с. 78–85]. По характеру толков астраханские староверы разделялись на поповцев австрийского священства, так называемых «*австрийцев*», «*окружников*» и «*неокружников*» (т.е. принимавших и не принимавших «*Окружное послание*» Ксеноса), беглопоповцев, беспоповцев, принимающих браки и молящихся за царя – так называемых «*поморцев*», а также беспоповцев, не принимающих браки и не молящихся за царя. В состав последней категории входят федосеевцы, филипповцы и странники, или «*бегуны*». По количеству федосеевцев было больше, чем всех остальных беспоповцев. О странниках в официальных сообщениях, как правило, не упоминалось, но, по мис-

сионерским наблюдениям, они также существовали, хотя и в меньшем, чем федосеевцы и филипповцы, количестве [1, с. 78–85].

В 1885 г., в преддверии празднеств в память тысячелетия со дня кончины святого Мефодия, по инициативе архиепископа Астраханского и Енотаевского преосвященного Евгения (Шершилова), было учреждено Кирилло-Мефодиевское общество ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой православной церкви. В задачи Кирилло-Мефодиевского общества входило распространение миссионерской деятельности на раскольников, поповцев и беспоповцев с их многочисленными разветвлениями. В 1894 г. Общество было переименовано в Кирилло-Мефодиевское братство, по предложению преосвященного Митрофана (Невского), и под таким названием просуществовало более двадцати лет. Братство было реорганизовано на основании «Синодальных правил об устройстве миссии и о способе действия миссионеров и пастырей церкви» от 25 мая 1888 г. В ведении Братства, в частности, находилась епархиальная библиотека с читальным залом, в котором ежегодно происходили внебогослужебные праздничные чтения и миссионерские беседы.

К этому периоду астраханские раскольники представляли собой вполне организованные религиозные общины: например, в Астрахани у раскольников австрийского согласия имела своя часовня, которая по внешнему и внутреннему благоустройству представляла собой «вполне благообразный и богатый храм, восьмиконечный крест которого высоко поднимается над другими зданиями; при храме живут свои лжеереи, лжедиаконы и много певчих; они носят длинные волосы, наподобие священников, разъезжают по домам прихожан для совершения треб» [5, с. 3]. Кроме того, в нескольких селах Астраханской губернии также существовали моленные – у федосеевцев и поморов – в деревнях Комаровке, Хмелевке, селах Икряном и Житном, причем при одной такой моленной даже была устроена богадельня [5, с. 4]. В своих ежегодных отчетах астраханские миссионеры отмечали, что, «сравнительно с прежним временем, у раскольников стало появляться стремление к грамотности и увеличилось количество их детей, обучающихся в школах» [5, с. 5].

Чрезвычайно важным аспектом в осуществлении миссионерской деятельности Братства считались так называемые «публичные и частные беседы», то есть диспуты со старообрядцами. Их проводили активные проповедники Братства, среди которых особенно выделялись городские священники Евтропий Кочергин и Тихон Березин. Публичные беседы проходили в Астрахани в Епархиальной библиотеке и «пользовались большой любовью народа, привлекая каждый раз массу слушателей (более 1000 чел.)» [5, с. 5]. Как правило, эти публичные беседы производились с закрытия навигации, в ноябре, до ее открытия, в апреле. За 2 дня до беседы печатались объявления о ней в 2-х местных газетах (бесплатно, «Листок» и «Вестник»), а также расклеивались по церквям и в посещаемых горожанами местах. После каждой беседы миссионеры печатали в тех же светских газетах краткие отзывы и отчеты, а в «Епархиальных ведомостях» – подробные. В числе слушателей на беседах бывало немало раскольников, но с возражениями выступали редко и немногие. Православные миссионеры объясняли это тем, что «в своем уповании раскольники весьма стойки; в правоте своего вероучения большинство убеждено настолько, что считают для себя излишним вступать в беседы с православными священниками, и в беседах немногие и мало принимают участие, запрещая притом и своему молодому поколению вступать в беседы со священниками» [5, с. 5].

В свою очередь, старообрядцы объясняли нежелание участвовать в подобных публичных беседах тем, что неоднократно убеждались, насколько была ненадежна провозглашенная «свобода мнения», ведь каждое выступление на публичном диспуте в защиту старой веры могло быть истолковано, и в действительности расценивалось как строго наказуемая пропаганда «раскольничьей ереси».

Таким образом, одно из направлений внутренней миссии РПЦ по отношению к старообрядцам, а именно проведение публичных диспутов, провозглашенное еще в первой четверти XVIII в. как одна из важнейших мер воздействия на «раскольничью

массу», не принесло ощутимых результатов почти за два столетия применения. В 1905–1906 гг. указами Николая II от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. старообрядцам и сектантам была предоставлена свобода образования общин и устройства молитвенных домов, кладбищ и начальных школ, отменены различные административные стеснения. Начался, по словам И.В. Поздеевой, «краткий миг свободы» для старообрядцев, закончившийся, как и многое другое, в 1917 г.

Список литературы

1. *Канатьева Н. С.* К истории Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства / Н. С. Канатьева. – Астрахань : Вестник АГТУ, 2006. – № 5 (34).
2. *Карпов С. П.* Научное и педагогическое значение археографических исследований Московского университета / С. П. Карпов // Мир старообрядчества : мат-лы Междунар. науч. конф. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – Вып. 4. «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований». – 463 с.
3. *Описание* документов и дел архива св. пр. Синода. – Т. 1.
4. *Там же.* – Т. 2. – Ч. 1.
5. *Отчет* Астраханского Епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1901 г. – Астрахань : Типография В.И. Егорова, 1902. – 105 с.
6. *Поздеева И. В.* Комплексные исследования традиционной культуры русского старообрядчества – результаты и перспективы / И. В. Поздеева // Мир старообрядчества : мат-лы Междунар. науч. конф. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – Вып. 4. «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований». – 463 с.
7. *Полное* собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. – Т. 2. – № 450.
8. *Русское* православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
9. *Саввинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.) : в 2 т. / И. Саввинский. – Астрахань : Типография В.Д. Егорова, 1903. – 1191 с.
10. *Синайский А.* Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы Синодального управления при Петре Великом (1721–1725 гг.) / А. Синайский. – СПб., 1895. – 352 с.
11. *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – СПб., 1903. – 276 с.
12. *Шахов М. О.* Философские аспекты староверия / М. О. Шахов. – М. : Издательский дом «Третий Рим», 1997 – 205 с.

**МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В ВОПРОСЕ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА**

**А.П. Романова, С.Н. Якушенков
(Россия, г. Астрахань)**

Традиционный взгляд на сохранение культурного наследия как сохранение отдельных культурных объектов уже полностью исчерпан себя. На современном этапе очень важно сохранение целостной системы культурного наследия, которая не может быть сведена лишь к единичным объектам. Поэтому авторы статьи настаивают на важности сохранения культурного ландшафта, как отражения деятельной картины мира человеческого сообщества. Это можно сделать через модульную систему. В качестве модуля взята системная единица культурного ландшафта, которая может быть представлена разнообразными таксономическими явлениями: культурными, социальными, экономическими, природными и т.д.

Ключевые слова: культурный ландшафт, сохранение культурного наследия, культура Астраханской области, модули, системный подход.

The traditional view of preservation of cultural heritage preservation as a separate cultural objects are already completely exhausted. At the present stage it is important to preserve the integrity of cultural heritage, which can not be reduced to a single object. Therefore, the authors insist on the importance of preserving the cultural landscape as a reflection of the active picture of the world human community. This can be done through a modular system. As the module the system one of the cultural landscape is taken, which can be represented by various taxonomic phenomena: cultural, social, economic, natural, etc.

Key words: cultural landscape, preservation of cultural heritage, culture of the Astrakhan region, modules, system approach.

Последнее время ученые все чаще начинают рассматривать проблему сохранения культурного наследия в рамках концепции культурного ландшафта. Это продиктовано, прежде всего, пониманием, что простое сохранение отдельных исторических памятников является недостаточным для сохранения культурного баланса и культур-